

УДК 94 (470)
DOI: 10.7868/S25000640180411

РИТУАЛИЗАЦИЯ И РИТУАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАЧЬЕМ ДВИЖЕНИИ НА ДОНУ

© 2018 г. А.В. Венков¹, Д.И. Узнародов¹

Аннотация. Рассмотрена проблема проявления феноменов ритуализации и ритуализма в деятельности современных казачьих структур Ростовской области. Проведен обзор существующих научных подходов к определению понятия «ритуализация», обозначены его основные отличия от термина «ритуализм». Ритуализм представляет собой негативную коннотацию понятия «ритуализация», а основное отличие состоит в том, что для феномена ритуализма характерно систематическое соблюдение социальной группой правил и норм, являющихся традиционными по своему характеру и происхождению, но не соответствующих ценностным ориентирам и потребностям реальной жизни. По мнению авторов, проявление ритуализма происходит, как правило, в переходные для определенного социума этапы исторического развития. Подобный период переживает в настоящее время российское казачество. Будучи формально ликвидированным как сословие и пережив расказачивание, казачество резко сократило свою жизнедеятельность, проявление чего можно наблюдать и сейчас. Несмотря на новый этап в развитии казачества, начавшийся после 1991 г. и связанный с проведением государственной политики по его возрождению, одной из форм проявления кризиса современного казачьего движения является ослабление реальной работы казачьих обществ, которое сопровождается усилением ритуализации и перерастанием ее в ритуализм. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на важную роль ритуализации в процессе возрождения казачьего сообщества, она не должна подменять собой другие формы работы, приобретая таким образом форму ритуализма.

Ключевые слова: ритуал, ритуализация, ритуализм, современное казачье движение Ростовской области.

RITUALIZATION AND RITUALISM IN MODERN COSSACK MOVEMENT IN DON REGION

A.V. Venkov¹, D.I. Uznarodov¹

Abstract. The article deals with the problem of manifestation of the ritualism and ritualization phenomena in the activity of modern Cossack structures of the Rostov Region. The review of the existing scientific approaches to the definition of the “ritualization” concept is carried out, its main differences from the term “ritualism” are indicated. It is noted that ritualism is a negative connotation of the concept of “ritualization”, and the main difference is that the phenomenon of ritualism is characterized by a systematic observance by a social group of rules and norms which are traditional in nature and origin, but do not correspond to values and needs of real life. According to the authors, the manifestation of ritualism occurs, as a rule, in the transitional stages of historical development for a certain society. Today Russian Cossacks are going through a similar period. Being formally abolished as a social class and having lived through the decossackization, Cossacks sharply reduced their activity, the manifestation of which we can see now. Despite the new stage in the development of Cossacks, which began after 1991 and which was associated with the implementation of the state policy on its revival, one of the forms of crisis manifestation of modern Cossack movement is the weakening of the real work of Cossack societies, which is accompanied by increased ritualization and its transformation into ritualism. The authors come to the conclusion that, despite the important role of ritualization in the revival of the Cossack community, the ritualization should not replace other forms of work, thus acquiring the form of ritualism.

Keywords: ritual, ritualization, ritualism, modern Cossack movement of Rostov Region.

¹ Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41, e-mail: andrey_venk@rambler.ru, uzn-dmitrij@yandex.ru

Наиболее последовательной формой символической деятельности в культуре является ритуал. Ритуал лишен определенного самооценного либо утилитарного значения и направлен на выражение взаимосвязи субъекта с какой-либо системой социальных отношений. В науке исследование феномена ритуала началось в конце XIX столетия. Э. Дюркгейм [1], У. Робертсон-Смит [2], Дж. Харрисон [3] обращали внимание на принадлежность ритуала к сфере нерационального, неутилитарного и сакрального в противоположность рационально-утилитарной повседневной деятельности. Б. Малиновский [4] рассматривал ритуал как традиционно разыгрываемое чудо, связывая феномен ритуала с потребностью человека в чудесах, а Дж. Гуди [5] трактовал ритуал как имеющее стандартизированную форму поведение, где отношение между целью и средствами не носит подлинный характер.

Значительный вклад в исследование феномена ритуала внесла функциональная школа английской антропологии, а также французская социологическая школа. Функционализм определяет ритуал в качестве символа и выражения социальных отношений. Э. Дюркгейм [1] разделял ритуалы на аскетические, негативные и позитивные, а А.Р. Рэдклифф-Браун [6] сформулировал понятие ритуальной ценности, относящееся к социально-значимым объектам. По мнению другого ученого, Э. Лича [7], ритуал является переходом в сферу сакрального, в которой нормы повседневной и мирской жизни утрачивают свое значение. Также Э. Лич не видел большой разницы между терминами «ритуал» и «обряд», определяя ритуалы как «обряды перехода», которые «отмечают пересечение границы между одной социальной категорией и другой» [7: с. 47]. Один из главных представителей школы французского структурализма К. Леви-Стросс [8] рассматривал ритуал в качестве знаковой системы. Что касается этнологической школы (К. Лоренц, И. Эйбл-Эйбесфельдт), то в ней ритуал трактуется как модель поведения, которая выполняет преимущественно функцию коммуникативного характера, но может также формировать системы культурных символов, консолидации групп и контроля агрессивности.

В XX веке феномен ритуала стал также предметом изучения психологической науки, в частности направления транзакционного анализа (транзакция – единица социального действия), создателем которого является известный американский психолог и психиатр Э.Л. Берн. По мнению Э. Берна [9],

ритуалы являются простейшими формами социальной деятельности, часть из которых носит универсальный характер, часть – локальный. Э. Берн определил ритуал как «повторяющуюся серию простых дополняющих транзакций, заданных внешними социальными условиями» [9: с. 49]. В рамках своей теории Э. Берн выделил неформальный и формальный типы ритуала. Если неформальный ритуал может в отдельных деталях изменяться в зависимости от места, сохраняя при этом свои основные формы, то в формальном ритуале общая его форма определяется традицией, передающейся от родителя к ребенку [9].

Следует отметить, что наряду с формированием представлений о «мы-сообществе» и установлением границ «свой – чужой» к одним из основных направлений политики идентичности относятся также ритуализация принадлежности к сообществу и символизация пространства. Опираясь на предложенную Дж. Гуди [5] трактовку термина «ритуал», определим ритуализацию как процесс, при котором некоторая деятельность приобретает характер стандартизированной формы поведения, отличающейся постепенным отступлением от ее целевых установок.

Осуществление ритуализации принадлежности к сообществу происходит посредством установления официальных церемоний и регулярных празднеств, в рамках которых члены сообщества начинают ощущать свою принадлежность к нему. Если говорить о символизации пространства, то она осуществляется через культивирование культурных и природных особенностей сообщества, а также в ходе принятия и тиражирования официальных символов [10].

Негативной коннотацией термина «ритуализация» является понятие ритуализма. По мнению Р.К. Мертон [11], ритуализм представляет собой один из пяти видов адаптации индивидов к культурным целям и разработанным для их воплощения институциональным нормам. Если адаптировать сформулированное Р.К. Мертоном определение по отношению к социальным группам, то ритуализм можно может быть охарактеризован как один из видов групповой адаптации, при котором социальная группа отвергает культурно определенные цели вследствие неспособности их реализации, продолжая при этом выполнять институциональные нормы и правила, направленные на воплощение данных целей. А. Прудник [12] отмечает: «Сейчас самая большая опасность, которая у нас есть – это

ритуализация общественной политической жизни, когда на выборы ходят для исполнения ритуала, а вовсе не для того, чтобы повлиять на свое политическое будущее».

К свойствам ритуализма относится систематическое соблюдение социальной группой правил и норм, являющихся традиционными по своему характеру и происхождению, но не соответствующих ценностным ориентирам и потребностям реальной жизни. Если говорить о крупных социальных группах, то в их деятельности феномен ритуализма начинает проявлять себя преимущественно в переходных для того или иного общества периодах исторического развития. Подобный процесс можно наблюдать в настоящее время внутри казачьих структур Российской Федерации.

Считается, что в Советском Союзе ритуалы выступали в качестве интегрирующего механизма для всех субъектов общественной практики, действующих в рамках единой системы, в рамках Советского государства и коммунистической партии, а в современной России господствуют корпоративные ритуалы, которые призваны подчеркнуть отличия организаций друг от друга и прежде всего ориентированы на сплочение коллектива и формирование некой корпоративной идентичности. Среди советских ритуалов основная масса относилась к трудовой деятельности человека, а в современной России подавляющее большинство ритуалов связано с досуговой сферой: «Лидирующие позиции занимают корпоративные вечеринки и праздники» [13].

Ритуализация имеет большое значение и для процесса возрождения казачества, начавшегося в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века. Необходимость возрождения казачества – вопрос спорный. Само возрождение было инициировано в конце 1980-х гг. «сверху». В 1990 г. на Первом съезде казаков в Москве казачья делегация была принята единственным представителем правительства СССР, министром обороны маршалом Д.Т. Язовым. В зале значительная часть присутствующих (делегатов и гостей) состояла из офицеров в зеленых фуражках – пограничников. Видимо, уже актуализировался, но еще не обсуждался вопрос о новых границах и о необходимости их защищать.

В царской России большую роль в охране границ государства играли казаки, казачьи войска как территориальные структуры. В конце 1980-х гг. о них вспомнили, но казачьих войск не существовало, а сами казаки в значительной мере были рассеяны.

После Гражданской войны в глазах местного «неказачьего» населения казачество было побеждено и уничтожено; казачество как сословие было упразднено первыми декретами советской власти, а съезд трудового казачества, собранный в Москве в начале 1920 г., объявил, что казаки не являются отдельным народом.

Насильственное сокращение территории проживания казачества, произвольные передачи казачьих земель в различные территориально-административные образования Н.Ф. Бугай охарактеризовал как «территориальный геноцид» [14: с. 50]. И все же сохранилось население, осознающее свою идентичность по ряду критериев.

Невзирая на своеобразное забвение, советское военное ведомство при призыве в армию всегда учитывало особый «материал», с которым оно имело дело на казачьих территориях. Призывники из станиц традиционно шли на службу в пограничные войска, в группы советских войск на территориях сопредельных государств, в подводный флот и в другие контингенты, где ценились природная воинственность, любовь к военному делу и неформальная военная подготовка с малых лет.

Казак как социально-психологический тип был и остается весьма притягательным для наших современников, прежде всего русских. Складывавшиеся веками военные традиции были прекрасным историческим примером, а сама фигура казака служила образцом чрезвычайно высоко ценимого во всем мире типа воина. Этот всесторонний интерес общества к казачеству нашел отклик и в среде потомков казаков, в местах их традиционного проживания, и в среде жителей мегаполисов.

Характерно, что в итоге урбанизации значительная часть казачьих потомков оказалась оторванной от родных хуторов и станиц, но с целью сохранения казачьей идентичности была более восприимчивой к проявлениям казачьей культуры, активнее интересовалась историей казачества, болезненнее реагировала на любые «антиказачьи» выпады. Инструментом, подпитывающим эти такое отношение, стала ритуализация. Казаки, остававшиеся в хуторах и станицах, относились ко всем этим вопросам спокойнее. Ритуализации здесь придавали меньшее значение.

В конце XX века произошли радикальные изменения в социально-политической системе нашей страны. Появились новые и стали восстанавливаться такие традиционные для дооктябрьской России,

но утраченные в советском периоде институты гражданского общества, как казачество.

Мы не будем в деталях касаться сложного и противоречивого периода начала 90-х гг. XX века, когда началось «возрождение казачества». По данному вопросу существует большой пласт исследований, отметим лишь, что само по себе движение за возрождение казачества вызвало интерес всего казачьего населения, но в подавляющем большинстве было представлено лишь наиболее активной частью урбанизированного (городского) казачества.

Повторим, что казачье движение (движение за возрождение казачества) зарождалось при поддержке и даже по инициативе власти, желающей иметь на своей стороне патриотически настроенную военизированную организацию. Но это движение всего казачества не охватило, так как если и отвечало каким-то запросам всей массы потомков казаков, то только духовным, а в стране в это время шли процессы, связанные с переделом собственности, складывались новые имущественные отношения, что для казаков было неизмеримо важнее. Попытки «снизу» всей массы казаков, проживающей в сельской местности, приспособить движение для решения именно этих вопросов, а также вопросов собственности, своей цели не достигли.

Казачье движение больше проявило себя в городе, чем в самой казачьей станице. Сельские казачьи поселения поддерживали движение, пока была надежда с его помощью как-то улучшить свое положение в период приватизации и передела собственности. Наивысший подъем массового казачьего движения и наивысший охват в нем сельского населения на Дону в частности и на юге России в целом приходится на 1993 г. Когда надежды рухнули, поддержка стала гораздо слабее.

Оставшиеся без массовой поддержки казачьи структуры разделились. Одни искали помощи у казачьего населения и в угоду царившим в тот период в сельской местности настроениям противопоставляли себя государству, вспоминали и напоминали о традициях вольности, о собственном казачьем государстве. Эти структуры так и остались на уровне общественных организаций. Естественно, государство в нестабильные 1990-е гг., когда существование самой Российской Федерации зачастую оказывалось под вопросом, к подобным «мечтам» о возрождении казачьих республик относилось очень настороженно.

Другие казачьи структуры с целью самосохранения искали поддержку не у населения, а у государ-

ства и, чтобы привлечь к себе внимание, усиленно распространяли легенду о страстном желании современных казаков служить государству на каких угодно условиях, а также о своих возможностях «канализировать» это желание в нужное русло. При хронической нехватке в государстве призывников для службы в армии российская администрация пошла навстречу этим заявлениям и предложениям. Было провозглашено образование «войсковых казачьих обществ». Характерно, что данный процесс относится к 1996–1997 гг., когда большая часть собственности уже была поделена.

Новые казачьи структуры пошли по пути образования реестра, стали заново «записывать в казачество» всех желающих. В условиях появившейся в 1990-е гг. безработицы перспектива получить «государственную службу» (пусть даже без земли) могла привлечь многих. Но государственная служба основной массой желающих рассматривалась прежде всего как служба таможенная, рыбоохранная и т.п., но отнюдь не как пограничная или служба в горячих точках. Казачьи структуры избрали компромиссный вариант – привлечение казаков к охране правопорядка, поскольку «охранная деятельность на начальном этапе позволяла частично решить вопросы трудоустройства казаков», но и тут «из-за нехватки средств на оплату труда казаков начался отток людей» [15: с. 149].

Что намеревались делать казачьи структуры, видно из их Устава [16]:

«VI. Обязательства казаков Войска Донского по несению государственной и иной службы

...36. Казаки Войска Донского берут на себя в установленном порядке обязательства по:

- производству и поставке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для федеральных и региональных нужд;
- участию в охране общественного порядка;
- участию в невойсковой охране государственной границы Российской Федерации;
- участию в охране объектов, находящихся в государственной и муниципальной собственности, а также по сопровождению грузов...».

Помимо этого в Вооруженных силах Российской Федерации было создано до 15 соединений и частей, которые планировалось комплектовать за счет контрактников и призывников из реестровых казачьих обществ страны.

Неопределенность и неупорядоченность идентификационных признаков приводит к тому, что число казаков в РФ рассчитывается экспертами

по разным критериям в широком диапазоне – от 2 до 10 млн человек. Проблема определения численности казачества во многом зависит от того, что нет официальных критериев идентификации казачества как сословия, нации, этноса или другой социальной группы. Исследователи зачастую самостоятельно формулируют эти критерии.

Однако согласно всероссийской переписи населения 2002 г. в субъектах Южного федерального округа насчитывалось около 130 тыс. граждан, признавших себя казаками, записавших это слово в графу «национальность» (95,5 % от их общего числа в России) [17].

Члены казачьих объединений также не выработали единых оснований для своей идентификации, поэтому их самоидентификация осуществляется произвольно, на основе разных критериев, в том числе и через ритуализацию. Не получили всеобщего признания и идентификационные признаки казачества, сформулированные в пункте 1 статьи 2 Федерального закона от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества»: «Российское казачество – граждане Российской Федерации, являющиеся членами казачьих обществ» [18]. Такое определение дает формальные правовые основы для причисления к казачеству только членов казачьих обществ, включенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации. Подавляющее большинство (до 90 %) казачьих потомков, проживающих на территории бывших казачьих войск, на приглашение записаться в реестр обычно отказывались с мотивировкой: «Зачем записываться? Я и так казак, по рождению». Таким образом, создание реестра поделило казаков на признаваемых государством и на «учитываемых» при подготовке статистических сведений, но формально государством не признанных.

Вопреки ожиданиям и стремлениям возродить казачью систему землевладения и землепользования, возрождающееся казачество на землю особо не прельстилось. По состоянию на 1 января 2003 г. целевой казачий земельный фонд был создан на территории 31 субъекта Российской Федерации общей площадью 364,2 тыс. га (для сравнения: только на Дону освобожденные от крепостной зависимости крестьяне в 1861 г. имели более 550 тыс. га, а казачьи земли в это время превосходили крестьянские по площади в 4 раза). Из этого фонда земельные участки общей площадью 88,4 тыс. га получили казачье общество на территории 22 субъектов Рос-

сийской Федерации. Площадь участков, выделенных для краев и областей, таким образом, оказалась очень небольшой. Тем не менее выделенную землю быстро освоили на Кубани, примерно половину земельного фонда, выделенного для донских и ставропольских казаков, оприходовали на Ставрополье и в Ростовской области. Почти неостребованной оказалась земля в Волгоградской области и в Дагестане. Не стали брать землю казаки на территории Чечни. Как ни странно, в других субъектах федерации, где казаки никогда не жили, но которые тоже получили землю из целевого казачьего фонда, всю выделенную землю забрали внезапно возникшие «псковские казаки», «казаки пензенские» и «казаки калининградские» [15: с. 590–592].

Исходя из своих реальных возможностей, современные казачьи структуры взяли на себя ряд функций, которые им действительно по силам. Деятельность организованного реестрового казачества была перепрофилирована. Из Устава 2011 г. [19]:

«III. Деятельность Войска Донского

16. Основными целями Войска Донского являются...

10) участие в развитии агропромышленного комплекса и сельских территорий в местах компактного проживания донского казачества».

Как видим, хозяйственные проблемы потеряли актуальность, и говорится о них достаточно общими фразами.

Основная деятельность нацелена на другое. Например [19]: «17) взаимодействие с органами государственной власти, органами местного самоуправления и российскими некоммерческими организациями в целях укрепления российской государственности, общественно-политической стабильности и **развития казачьих традиций** (выделено нами. – *Авт.*);

21) участие в охране и должном содержании в соответствии с установленными требованиями зданий, объектов и территорий, имеющих историческое, культовое, культурное или природоохранное значение, и мест захоронений;

22) профилактика социально опасных форм поведения граждан;

23) осуществление благотворительной деятельности, а также деятельности в области содействия благотворительности и добровольчества;

24) осуществление деятельности и содействие деятельности в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологиче-

ского состояния граждан, физической культуры и спорта, а также содействие духовному развитию личности».

И лишь ниже, что определяет значение, идут [19]:

«25) участие в охране общественного порядка, противодействие терроризму;

26) участие в защите Государственной границы Российской Федерации».

На одно из первых мест в деятельности казачьих организаций поставлено создание совместно с властными структурами сети кадетских корпусов под эгидой возрождения казачьего образования и воспитания, военно-спортивная и трудовая подготовка части молодежи казачьих территорий. Кадетские корпуса стали пользоваться огромной популярностью в условиях острого дефицита мужского воспитания в стране. Известно, какое значение имеет ритуализация для духовного и нравственного формирования подрастающего поколения. И в кадетских корпусах ритуализация была поставлена образцово.

Естественно, нынешняя система кадетских корпусов готовит прежде всего не казаков (казака в отрыве от сообщества подготовить очень трудно, если вообще возможно), а будущих государственных служащих, получающих через ряд предметов представление о местной специфике, об особенностях казачьей жизни и прежней казачьей службе. Представление это формировалось и через ритуализацию.

Остальная деятельность реестровых казачьих войск это создание фактически параллельных (наряду с государственными) структур по патриотическому и военно-спортивному воспитанию, по охране правопорядка и по природоохранной деятельности. Но казачьи структуры по охране правопорядка и окружающей среды не обладают достаточными полномочиями и ресурсами для продуктивной работы, вследствие чего зачастую вынуждены эту деятельность имитировать. А там, где мы встречаем имитацию, возрастает роль ритуализации.

Реестровые войска поставлены под контроль администраций областей и объединены под контролем Совета по делам казачества при президенте РФ.

Наравне с «организованным» существует более многочисленное «неорганизованное» казачество, которое составляют жители традиционных казачьих поселений, хуторов и станиц, ни в реестр, ни в общественные организации не записавшиеся, но считающие себя казаками «по праву рождения».

Они не вдаются в предельно важные для «реестровых» и «общественных» казаков детали, их не волнует, что такое казачество – народ или бывшее сословие. Тем не менее они осознают, что они казаки и что этим они отличаются от всех остальных, в том числе и от русских. Степень и принципиальность отличий их тоже не особо занимает.

Сохранение казачьих традиций, зафиксированное в Уставе, предполагает самую широкую ритуализацию, а развитие (творческое?) казачьих традиций опасно впадением в ритуализм.

Между тем отсутствие или сокращение реальных дел заставляет Войско обращаться к компенсаторным механизмам. При атамане создана Геральдическая комиссия. На заседании этой комиссии от 16 марта 2016 года¹ было принято решение (сохранены орфография и стилистика документа):

«Активизировать работу в окружных войсковых обществах по выполнению Методических рекомендаций по геральдическому обеспечению казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации.

С этой целью:

– направить атаманам окружных, юртовых казачьих обществ Методические рекомендации по геральдическому обеспечению казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации...

– подготовить и направить письма окружным атаманам о представлении в Геральдическую комиссию войскового казачьего общества „Всеволикое войска Донского“ фотографии (или в электронном виде) имеющуюся символику окружного войскового общества (герб, знамя)...

– окружным атаманам назначить ответственных за Геральдическое обеспечение казачьих обществ и направить их данные (Ф.И.О.) в Геральдическую комиссию войскового казачьего общества „Всеволикое войска Донское“;

– все разработки геральдической символики в окружных казачьих обществах (памятных знаков, гербов, знамен, штандартов) направлять на согласование и утверждение в Геральдическую комиссию войскового казачьего общества „Всеволикое войска Донское“...

– до 20 апреля 2016 года членам Геральдической комиссии войскового казачьего общества „Всеволикое войска Донское» представить предложения по

¹ Копия протокола заседания хранится в архиве лаборатории казачества Федерального исследовательского центра Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону).

разработке Положения о наградной системе войскового казачьего общества „Всевеликое войско Донское“;

– подготовить предложения и макет нагрудного знака для поощрения кадетов за отличную учебу. Выйти с предложением к войсковому атаману о введении Атаманской премии кадетам кадетских корпусов с вручением отличительного нагрудного знака за отличную учебу...

– подготовить проект Положения о наградной системе войскового казачьего общества „Всевеликое войско Донское“;

– разработать эскизы формы одежды в войсковом казачьем обществе „Всевеликое войско Донское“ для рассмотрения и утверждения Геральдической комиссией».

Из представленного протокола следует, что каждый из 11 имеющихся на Дону казачьих округов должен иметь свой герб; юртовые (то есть станичные) казачьи общества тоже получают методические рекомендации по геральдическому обеспечению; казачья форма неустанно обновляется и совершенствуется, а к нагрудным знакам и наградам, которые с 1990 г. пестрят на груди казачьих активистов, будут добавлены новые.

В Войске разработан «Календарь общевоисковых памятных дат», который включает в себя свыше 180 наименований, несущих в себе повод устроить праздник. Из них 66 религиозных праздников; 7 общенациональных праздников, 18 профессиональных праздников, 63 памятные даты, посвященные победам российских войск (из них 43 посвящены Великой Отечественной войне); 15 дней рождения, отнюдь не связанных с юбилеями и подобранных бессистемно; 8 дней памяти жертвам антиказачьих репрессий; 3 полковых (батареинных, корпусных) праздника. И еще целый ряд памятных дат в честь вручения знамен, освящения соборов, формирования полков и т.д.

Если мы рассмотрим один из месяцев, то система праздников выглядит так (сохранены орфография и стилистика подлинника²):

«3 марта - День памяти временного Войскового атамана Е.А.Волошинова и Войскового атамана генерала А.М. Назарова (1918 г.)

5 марта - Вселенская родительская суббота (суббота перед неделей о Страшном Суде)

7 марта - Седмица сырная (Масленичная неделя)

8 марта - 1-е и 2-е Обретение головы Иоанна Предтечи

13 марта - Воспоминание Адамова изгнания. Прощеное воскресенье

14 марта - начало Великого Поста

15 марта - Корпусной праздник Шахтинского Я.П. Бакланова казачьего кадетского корпуса

15 марта - В 1826 г. Лейб-гвардии казачьему полку вручены георгиевские штандарты „За отличие при изгнании неприятеля из пределов России в 1812 г. и за подвиг, оказанный в сражении при Лейпциге, в 4-й день октября 1813 г.“

15 марта - День первого жалования царского знамени донским казакам (1614 г.)

19 марта - День моряка-подводника

20 марта - Торжество Православия

22 марта - День памяти Сорока Севастийских мучеников. В этот день также происходит весеннее равноденствие. Хозяйки начинают готовить особое обрядовое печенье – кулики, жаворонки и тетерки

26 марта - Вселенская родительская суббота 2-й недели Великого поста

27 марта - День Внутренних войск МВД РФ. Неделя 2-я Великого поста

28 марта - День рождения Якова Петровича Бакланова, атамана, казачьего генерала, героя Кавказской войны (1809 г.)

30 марта - В 1899 году родился донской казак, участник Первой мировой, Гражданской, Второй мировой войн, поэт Николай Туроверов (30 марта 1899 г. – 23 сентября 1972 г.)

31 марта - День казачьей славы. Вход донских казаков в Париж (1814 г.)».

Такая же тенденция к празднованию явно прослеживается и на местах. Рассмотрим план работы на 2017 г. станичного казачьего сообщества Вёшенский юрт. Здесь 12 мероприятий носят организационный характер (работа Совета атаманов); 12 мероприятий – праздники, религиозные и светские; 7 мероприятий – познавательные или имеющие целью патриотическое воспитание; 4 мероприятия по работе с молодежью.

План работы того же юрта на 2018 г. отличается лишь тем, что в феврале семинар посвящен 101-й годовщине февральской революции, в марте – 99-летию Верхне-Донского восстания, в мае празднуется 73-летие Победы и 113-я годовщина со дня рождения М.А. Шолохова, в сентябре не годовщина, а просто «День станицы Вёшенской». Этим расхождением в двух планах работы на год исчерпываются.

² Копия документа хранится в архиве лаборатории казачества Федерального исследовательского центра Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону).

В казачьем движении существует несколько обществ ревнителей памяти наиболее известных казачьих воинских частей времен Российской Империи и периода Гражданской войны. Обратимся для примера к «Обществу ревнителей Лейб-гвардии Атаманского полка».

Общество насчитывает шестерых действительных членов (один из них священник), восьмерых членов-соревнователей (из них шесть женщин) и троих почетных членов. Большинство членов общества проживает в Каменске, несколько в Санкт-Петербурге, два почетных члена во Франции. Общество регулярно публикует сводки о своей деятельности. В сводке № 14 за июнь 2018 г. (на пяти страницах) обозначены 12 памятных дат, связанных с полковой историей, с историей Гражданской войны и т.д., которые были так или иначе отмечены членами общества. Две из них сопровождались «скромной трапезой» и «товарищеским ужином».

Согласно сводке³ «в июне атаманцы (дважды в неделю) проводили полевые занятия в окрестностях хутора Диченского станицы Каменской у Дубовой балки и под хутором Хоботок станицы Калитвинской. Основная часть каждого полевого занятия начиналась и оканчивалась построением с молитвой. В рамках общей физической подготовки уделялось внимание гимнастике, статическим (изометрическим) упражнениям. В рамках тактической подготовки акцент был сделан на отработку приемов выхода из боя разведывательной группы после внезапной встречи с противником в различных вариантах. После „разбора полетов“ каждого занятия атаманцы собирались у костра, проводили совещания и текущее планирование, обсуждали новости и памятные даты, пили травяной чай, играли казачьи песни, в том числе полковые. Уделяли время свободному товарищескому общению. В собрании проводилась текущая работа с казной и архивом Общества, общение и оповещение в закрытом чате системы WhatsApp, еженедельные видеорассыл-

³ Копия документа хранится в архиве лаборатории казачества Федерального исследовательского центра Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону).

ки (посмотрели 6 серий документального фильма „Последний миф“...). Поддерживались связи с одобротбригадниками и соратниками в РФ и за рубежом. Утвержденному кругу лиц рассылаются ежемесячные информационные сводки Общества. Ведутся закрытые группы „АТАМАНЦЫ“ и „КАМЕНЦЫ“ в социальных сетях „Фейсбук“ и „В Контакте“».

«18 июня на июньском Общем Собрании запланированы дальнейшие мероприятия:

4 возложения цветов, сопровождающиеся либо молебном, либо литией, либо поминальной чаркой;

2 панихиды;

торжественная встреча и скромная трапеза, посвященная 100-летию возрождения Лейб-Гвардии Атаманского полка в составе Донской армии;

подготовка мемориальной доски „В честь вековой годовщины боевого крещения и первых славных побед возрожденной Гвардейской казачьей бригады в составе Донской армии“;

приведение в порядок могил Гайдуковых на кладбище хутора Краснова-Погорелова».

Мероприятие, имеющее непосредственное отношение к современным общественным процессам, одно: «Хорунжему В.М. Николаеву подготовить и направить заявление в Министерство природных ресурсов и экологии Ростовской области по установленным Обществом фактам незаконных карьерных разработок вокруг Каменской».

Таким образом, мы видим, что ослабление реальной работы казачьих обществ, их отрыв от массы потомственных казаков компенсируется усилением ритуализации и перерастанием ее в ритуализм. Необходимая в деле возрождения казачьего сообщества и в воспитании подрастающего поколения ритуализация уверенно занимает ведущее положение, подменяет собой другие формы работы и превращается в ритуализм.

Публикация подготовлена в рамках реализации ПФИ Президиума РАН I.52 «Обеспечение устойчивого развития Юга России в условиях климатических, экологических и техногенных вызовов» (ГЗ ЮНЦ РАН на 2018 г., № гр. проекта ААА-А-А18-118011990322-1)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Durkheim E. 1995. *The Elementary Forms of Religious Life*. New York, The Free Press: 464 p.
2. Робертсон-Смит У. 1996. *Лекции о религии семитов*. М., Канон +: 350 с.

3. Harrison J. 1913. *Ancient Art and Ritual*. London, Williams and Norgate: 274 p.
4. Malinowski B. 1948. *Magic, science and religion*. Boston, Beacon Press: 327 p.
5. Goody J. 1961. Religion and Ritual: The Definitional Problem. *The British Journal of Sociology*. 12(2): 142–164. doi: 10.2307/586928

6. Рэдклифф-Браун А.Р. 2001. *Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции*. М., Восточная литература: 305 с.
7. Лич Э. 2001. *Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии*. М., Восточная литература: 142 с.
8. Леви-Стросс К. 1994. *Первобытное мышление*. М., Республика: 384 с.
9. Берн Э. 2017. *Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений*. М., Издательство «Э»: 352 с.
10. Цумарова Е.Ю. 2015. Единство в многообразии, или как российским регионам сохранить себя и укрепить Россию. Неприкосновенный запас. *Дебаты о политике и культуре*. 5(103): 57–66.
11. Merton R.K. 1957. *Social theory and social structure*. New York, Free Press: 702 p.
12. Прудник А. 2008. Власть должна идти наперекор общественным настроениям. *Polit-NN.ru*. URL: <http://www.polit-nn.ru/?pt=trend&view=single&id=1037> (дата обращения: 06.09.2018).
13. Архангельская Л.С. 2012. *Ритуал как инструмент управления современными организациями. Автореф. дис. ... канд. соц. наук*. URL: <https://lektcii.org/10-62326.html> (дата обращения: 11.09.2018).
14. Бугай Н.Ф. 2000. *Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–1990-е годы)*. М., Можайск-Терра: 96 с.
15. *Российское казачество*. 2003. М., Наука: 880 с.
16. Об утверждении устава войскового казачьего общества «Всеволожское войско Донское». 2002. *Кавказский Узел*. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/14783/> (дата обращения: 10.09.2018).
17. *Российский статистический ежегодник*. 2004. М., Росстат: 725 с.
18. Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» (с изменениями и дополнениями). *Гарант*. URL: <http://base.garant.ru/188922/> (дата обращения: 03.09.2018).
19. Устав войскового казачьего общества «Всеволожское войско Донское». 2011. *Войсковое казачье общество «Всеволожское общество Донское»*. *Официальный сайт*. URL: <http://www.don-kazak.ru/docs/> (дата обращения: 18.09.2018).
5. Goody J. 1961. Religion and Ritual: The Definitional Problem. *The British Journal of Sociology*. 12(2): 142–164. doi: 10.2307/586928
6. Radcliffe-Brown A.R. 2001. *Struktura i funktsiya v primitivnom obshchestve. Ocherki i lektcii*. [Structure and function in a primitive society. Essays and lectures]. Moscow, Vostochnaya literatura: 305 p. (In Russian).
7. Leach E. 2001. *Kul'tura i kommunikatsiya: Logika vzaimosvyazi simvolov. K ispol'zovaniyu strukturnogo analiza v sotsial'noy antropologii*. [Culture and communication: the Logic of the relationship of symbols. On the use of structural analysis in social anthropology]. Moscow, Vostochnaya literatura: 142 p. (In Russian).
8. Levi-Strauss K. 1994. *Pervobytnoe myshlenie*. [Primitive thinking]. Moscow, Respublika: 384 p. (In Russian).
9. Bern E. 2017. *Igry, v kotorye igraut lyudi: Psikhologiya chelovecheskikh vzaimootnosheniy*. [Games people play: the Psychology of human relationships]. Moscow, Izdatel'stvo "E": 352 p. (In Russian).
10. Tsumarova E.Yu. 2015. [Unity in diversity, or how Russian regions can save themselves and strengthen Russia]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 5(103): 57–66. (In Russian).
11. Merton R.K. 1957. *Social theory and social structure*. New York, Free Press: 702 p.
12. Prudnik A. 2008. [Authority should go against public sentiments]. *Polit-NN.ru*. Available at: <http://www.polit-nn.ru/?pt=trend&view=single&id=1037> (accessed 6 September 2018). (In Russian).
13. Arkhangel'skaya L.S. 2012. *Ritual kak instrument upravleniya sovremennymi organizatsiyami*. [Ritual as a tool in the management of modern organizations. PhD Abstract]. Available at: <https://lektcii.org/10-62326.html> (accessed 11 September 2018). (In Russian).
14. Bugay N.F. 2000. *Kazachestvo Rossii: otorzhenie, priznanie, vrozozhdenie (1917–1990-e gody)*. [The Cossacks of Russia: rejection, acceptance, rebirth (1917–1990 years)]. Moscow, Mozhasysk-Terra: 96 p. (In Russian).
15. *Rossiyskoe kazachestvo*. [Russian Cossacks]. 2003. Moscow, Nauka: 880 p. (In Russian).
16. [The Statute of Cossack army society “The All-great army of Don”]. 2002. *Kavkazskiy Uzel*. Available at: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/14783/> (accessed 10 September 2018). (In Russian).
17. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik*. [Russian statistical yearbook]. 2004. Moscow, Rosstat: 725 p. (In Russian).
18. [Federal law No. 154 of 5 December 2005 “On the state service of Russian Cossacks”]. *Garant*. Available at: <http://base.garant.ru/188922/> (accessed 3 September 2018). (In Russian).
19. [The Statute of Cossack army society “The All-great army of Don”]. 2011. *Voyskovoe kazach'e obshchestvo "Vsevelikoe obshchestvo Donskoe"*. *Oficial'nyy sayt*. Available at: <http://www.don-kazak.ru/docs/> (accessed 18 September 2018). (In Russian).

REFERENCES

1. Durkheim E. 1995. *The Elementary Forms of Religious Life*. New York, The Free Press: 464 p.
2. Robertson-Smith W. 1996. *Lektsii o religii semitov*. [Lectures on the religion of Semites]. Moscow, Canon+: 350 p. (In Russian).
3. Harrison J. 1913. *Ancient Art and Ritual*. London, Williams and Norgate: 274 p.
4. Malinowski B. 1948. *Magic, science and religion*. Boston, Beacon Press: 327 p.

Поступила 17.10.2018